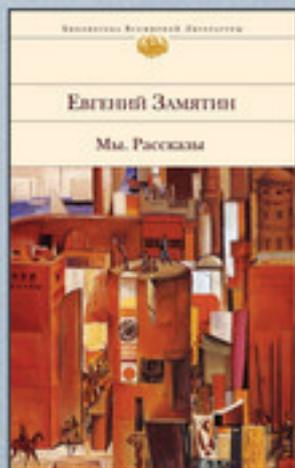

Евгений Замятин

Огни св. Доминика

*Часть сборника
Мы. Рассказы*

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН
Огни св. Доминика

«Public Domain»

1921

Замятин Е. И.

Огни св. Доминика / Е. И. Замятин — «Public Domain», 1921

«... Впервые с огнем и мечом против свободной, еретической мысли Инквизиция выступила в первой половине тринадцатого века в Южной Франции. Здесь было тогда самостоятельное Тулузское графство – с богатыми городами Тулуза, Альби, Каркассон и другими. Под южным солнцем, на плодородной земле – здесь жилось хорошо и свободно, насколько вообще могла быть свобода при феодальном строе. <...> Дряхлеющее католичество, уверенное в своей непогрешимости, решило силою оружия и костров загнать непокорных еретиков в свой рай. ...»

© Замятин Е. И., 1921

© Public Domain, 1921

Содержание

Вступительное слово	5
Лица	7
Действие первое	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Евгений Замятин

Огни св. Доминика

Историческая драма в четырех действиях

Вступительное слово

В темных подземельях – тысячи юношей, девушек, старцев, под самыми мучительными пытками бесстрашно исповедующих свою веру. Обагранный человеческой кровью ослепительно желтый песок на арене цирков. По ночам – живые факелы из людей, обвитых смоляной паклей. И все-таки новые и новые толпы потрясенных красотой нового учения и идущих за него на смерть. Это – христиане. Это новое учение – христианство.

Прошло двенадцать веков. И снова – тысячи людей заперты за свою веру в темные подземелья; снова – те же самые пытки; снова дымятся человеческие факелы на кострах. И это тоже – христиане; но тогда христиан сжигали живьем – теперь сжигают живьем христиане; тогда умирали во имя Христа – теперь во имя Христа убивают; тогда христиане были жертвами – теперь они стали палачами. И имя этим палачам во имя Христово – инквизиторы.

Невозможно, неправдоподобно. Но история говорит нам, что так было. И история учит нас, что идеи – так же, как и люди, – смертны. Сперва юность – героическая, мятежная, прекрасная, полная исканий и борьбы за новое. Затем старость: идея победила, все найдено, все решено, все твердо, и с каждым днем костенеет все больше; живая идея все больше отливается в непогрешимую, не терпящую никаких сомнений – догму. И наконец, полное окостенение: смерть. Чем ближе к смерти идея, чем больше она стареет – тем с большей жадностью цепляется за жизнь, тем с большей нетерпимостью подавляет она свободу человеческой мысли, тем с большей жестокостью преследует еретиков – носителей новых, юных идей. Но идеям юным – хотя бы и целью великих жертв – всегда суждено победить, так же как идеям состарившимся – суждено умереть, какую бы жестокостью, какими бы насилиями они ни пытались удержать свою прежнюю власть над умами. И в этой вечной смене идей, в этой вечной борьбе против догмы, в не истребимом никакими казнями еретичестве – залог бесконечного прогресса человеческой мысли.

Героическая юность христианства, увенчанная пурпурными цветами мученичества, в сущности, кончилась уже в тот момент, когда христиане вышли из своих подземелий, из своих катакомб на широкий путь государственной религии: в тот момент, когда на престоле римских императоров появились христиане. Но в течение всех первых девяти веков своего существования христианство, в борьбе против иных религиозных идей и в борьбе против еретичества, не прибегало к грубой силе: идея христианства еще сохраняла следы былой красоты и силы этой красоты еще было достаточно для победы над идейными противниками. В третьем веке один из столпов христианства, Тертулиан, писал: «Навязывать религию – дело совершенно противоречащее религии»; позже другой христианский философ, Лактанций, говорил: «Никого не следует принуждать силою оставаться в лоне церкви».

С одиннадцатого века христианство начинает быстро стареть, все резче обнаруживаются в нем эти явные признаки старческого окостенения: вера в абсолютную непогрешимость своих догм, боязнь свободной мысли и стремление пользоваться в борьбе уже не силою проповеди, а силой оружия, силой тюрем и казней. Особенно сильно все это сказалось в христианстве западном, в католичестве. В тринадцатом веке Фома Аквинский, один из величайших католических философов и святых, уже совершенно ясно высказывался за то, что нераскаянных еретиков следует изъять из христианского общества, предавая их смерти. Фома Аквинский

только окончательно укрепил философский фундамент для этой душевной тюрьмы церковного террора, в которую – на несколько веков – была загнана большая часть Западной Европы.

Этот террор, конечно, именовал себя Священным Террором и свой суд – Священным Трибуналом. Все учреждения по розыску и преследованию еретиков, монахи – следователи и судьи, целая рать шпионов, вооруженной стражи, палачей, – все это воинство составляло так называемую Инквизицию. И едва ли в средние века была какая-нибудь другая власть более могущественная и страшная, чем власть Инквизиции. Короли, и князья, и рыцари – так же склонялись перед волей инквизиторов, как и простые смертные. Все гражданские власти обязаны были беспрекословно исполнять все распоряжения инквизиторов и содействовать им. В выдаваемых инквизиторам папских грамотах говорилось, что все архиепископы, епископы и священники католической церкви должны повиноваться Инквизиции. Миряне величали инквизиторов «Ваше монашеское величество» – и в самом деле эти монахи были некоронованными повелителями средневековья. Большая часть инквизиторов принадлежала к монашеской общине доминиканцев, основанной св. Домиником; святой Доминик поэтому считался покровителем Инквизиции, а костры, на которых сжигали еретиков, часто назывались «огнями св. Доминика».

Впервые с огнем и мечом против свободной, еретической мысли Инквизиция выступила в первой половине тринадцатого века в Южной Франции. Здесь было тогда самостоятельное Тулузское графство – с богатыми городами Тулуза, Альби, Каркассон и другими. Под южным солнцем, на плодородной земле – здесь жилось хорошо и свободно, насколько вообще могла быть свобода при феодальном строе. Здесь мирно обитали рядом католики и еретики – альбигойцы, названные так по имени города Альби. Альбигойство представляло собою смесь из принципов христианства первых веков с элементами восточных учений, Зороастры и Манеса; это была одна из первых попыток разрушить окостеневшую католическую догму и рационализировать христианство. Дряхлеющее католичество, уверенное в своей непогрешимости, решило силою оружия и костров загнать непокорных еретиков в свой рай.

Лица

ГРАФ КРИСТОБАЛ ДЕ-САНТА-КРУС.
БАЛТАСАР – его сын.
РОДРИГО (РЮИ) – его сын.
ИНЕСА – невеста Рюи.
ДИЭГО – мажордом.
ФРА-СЕБАСТЬЯНО – поэт.
ДАМА (СЕНЬОРА САН-ВИСЕНТЕ).
ГОНСАЛЕС ДЕ-МУНЕБРАГА – инквизитор.
НОТАРИУС.
ФРА-ПЕДРО, ФРА-НУНЬО — доминиканцы.
СЕКРЕТАРЬ инквизиции.
ПЕРВЫЙ МАСТЕР инквизиции.
ВТОРОЙ МАСТЕР.
ЖЕЛТЫЙ ГОРОЖАНИН С ЖЕНОЙ.
РУМЯНЫЙ ГОРОЖАНИН С ЖЕНОЙ.
ПЕРВЫЙ ГРАНД.
ВТОРОЙ ГРАНД.
КОРОЛЬ Филипп II. КАБАЛЬЕРО и ДАМЫ. АЛГУАСИЛЫ. СЛУЖИТЕЛИ инквизиции. ЕРЕТИКИ. МОНАХИ. НАРОД.

Место действия – Севилья.

Время – вторая половина 16-го века.

Действие первое

Внутренний двор в доме Санта-Крус. Справа и слева – стены дома; узкие, глубокие ниши окон, все в плюще. На заднем плане высокая каменная ограда с зубцами; над зубцами полоса черно-синего неба, звезды. Тяжелая, обитая железом, дверь на улицу, на двери герб: крест из двух мечей, на конце одного меча сердце. Возле рампы, справа и слева – две винтовых лестницы внутрь дома; истертые каменные ступени. Недалеко от одной из лестниц – столик с книгами и принадлежностями для письма. Посередине двора – обеденный стол. ДИЭГО расставляет блюда, бутылки, вазы с фруктами.

ДОН-КРИСТОБАЛ (*берет одну за другой бутылки и смотрит на свет*). А где же малага? Ай, Диэго, за эти три года ты уже успел забыть, что Рюи больше всего любит малагу. Ну, чего же стоишь и сияешь, как медный таз Алонсо-цирюльника? Рад, старик, что Рюи вернулся, а? Впрочем, я и сам, должно быть, как медный таз... Три года! Ты бы сбежал наверх, Диэго: может быть, Рюи уже пришел из собора?

ДИЭГО. Из собора? Да он туда и не ходил.

КРИСТОБАЛ. Как, разве? А я думал – он вместе с Балтасаром и Инесой...

ДИЭГО. Нет, сеньор, Рюи сказал дон-Балтасару, что он устал с дороги. Должен заметить, сеньор, что я это не одобрил: пожалуй, еще кто-нибудь скажет, что наш Рюи набрался разных мыслей в этих самых Нидерландах.

КРИСТОБАЛ. Ну, хотел бы я посмотреть, кто осмелится что-нибудь этакое сказать об одном из Санта-Крусов. (*Помолчав.*) Нет, а какой он стал: совсем мужчина! Ты заметил, Диэго, как он вошел: голову назад, взглянул вот так... А говорит... как говорит! Нет, в нидерландских университетах учат хорошо. Я не жалею, что послал его туда.

ДИЭГО. А я, должен заметить, сеньор, не одобряю. Там, говорят, еретиков, что орехов в Барселоне. А у неверных, конечно, и наука неверная. Вот уж у нас в Испании, если дважды два, так спокойно можешь сказать, что это – с благословения святой церкви – четыре. Взять, например, вашего старшего, дон-Балтасара...

РЮИ (*медленно спускается по лестнице справа, в руках у него книга, читает на ходу. Схватился, закрыл книгу, входит*). Как хорошо! Вино, а не воздух: пьешь, и хочется все больше... А где Инеса?

КРИСТОБАЛ. А-а, мальчик, вот чем ты пьян? Инеса? Рыцарь Санта-Крус, и сдался в плен... Кому же? Девочке! И не стыдно?

РЮИ. Сеньор отец...

КРИСТОБАЛ. Ну-ну, Рюи, я шучу. Когда-то – так давно и так недавно – я ведь и сам был такой, как ты, и я помню... Что это у тебя за книжка?

РЮИ (*смуцненно*). Это... это так. (*Прячет книгу за спину.*) Это...

Громкий, отчетливый стук в дверь. РЮИ поспешно засовывает книгу под плющ, в оконной нише. ДИЭГО открывает дверь. Входит БАЛТАСАР.

БАЛТАСАР. Не запирай, Диэго: там Инеса и гости. (*Идет к Рюи.*) Ну, Рюи, дай обнять тебя еще раз. Я так торопился в собор – не успел даже разглядеть тебя. Да, теперь у тебя в глазах как будто... Нет, не знаю... А это... Погоди-ка, ведь это на щеке у тебя тот самый шрам! Помнишь тот наш детский турнир из-за Инесы? И еще ты боялся, что след у тебя останется на всю жизнь? Неужели...

РЮИ. Да, Балтасар, это на мне твоя печать. Так и умру с ней.

КРИСТОБАЛ (*смотрит на сыновей, мигает*). Ну вот – оба теперь... Ну, давайте же... (*Наливает бокалы – вытирает глаза.*) Пыль – с улицы: дверь открыта...

Входит ИНЕСА. РЮИ к ней навстречу с бокалом. Становится на одно колено, целует у нее руку и подает ей бокал.

РЮИ. Инеса, вам бокал – и... я просто боюсь – я расплескаюсь, перельюсь через край, так полно!

КРИСТОБАЛ. Инеса... Рюи... Пошли вам счастья святая дева. И ты будь счастлив, Балтасар!

БАЛТАСАР берет свой бокал, смотрит на ИНЕСУ, на РЮИ – ставит свой бокал обратно на стол. Входят ГОСТИ. Впереди ФРА-СЕБАСТЬЯНО говорит кому-то, оборачиваясь назад.

ФРА-СЕБАСТЬЯНО. Нет, ведь это просто ужас! Говорят, все монахи из Сан-Изороро – тоже... И вот, по ночам все эти отступники от веры...

ГОСТЬ. Ну, фра-Себастьяно, вы поэт, а поэты склонны... как бы это сказать...

ФРА-СЕБАСТЬЯНО. Нет, нет, уверяю вас, мне говорил сам инквизитор де-Мунебрага...

КРИСТОБАЛ и БАЛТАСАР идут навстречу Гостям. ИНЕСА и РЮИ – в стороне, меняются незаметно бокалами и пьют, не отрывая глаз друг от друга. Слышны смешанные восклицания Гостей.

ГОСТИ. Позвольте и мне, дон-Кристобал... – Нет, нет, фра-Себастьяно, тут какая-то ошибка... – Теперь, дон-Кристобал, вы можете спокойно...

ПЕРВЫЙ ГРАНД (*второму – глядя на Инесу и Рюи*). Смотрите: сейчас во всем мире их только двое. Никого нет: только их двое.

ВТОРОЙ ГРАНД. Никого нет? Сеньор, вы, по обыкновению, говорите так, что я... (*Проходят.*)

РЮИ (*Инесе*). А наше Эльдорадо: вы помните, Инеса? В башне, когда смеркалось, камни начинали шевелиться – и я спасал вас от великанов. И вот теперь бы мне каких-нибудь эльдорадских великанов, что-нибудь самое трудное для вас...

ТОЛСТЫЙ СЕНЬОР (*подходит*). Чтоб не забыть: не скажете ли вы мне, дон-Родриго, чем они там откармливают свиней? У них ведь – свиньи лучшие в мире.

ГОСТИ (*подходят*). Да, да – расскажите, расскажите нам что-нибудь!

РЮИ. Свиньи? Сеньор, я крайне сожалею, но я был занят более... более необходимым: я изучал метафизику.

ТОЛСТЫЙ СЕНЬОР. Более необходимым? Что значит молодость!

КРИСТОБАЛ (*подходит*). А где же дон-Фернандо? Странно: он так хотел видеть Рюи – и он всегда точен, как часы. Не заболел ли? Ну что ж, я думаю, мы не будем его ждать? Прошу, сеньоры. Инеса, ты мне поможешь?

Вместе с ИНЕСОЙ и частью Гостей идет к столу.

РЮИ (*взял со стола какую-то книгу, раскрыл*). Нет, вы только посмотрите! (*Смеется. Идет к большому столу, где гости, и читает.*) «О том, что есть торговля, и об искусстве тончайшем очарования покупателя. Посвящается императрице неба матери вечного слова, чистейшей деве Марии». Нет, это великолепно! (*Смеется.*)

БАЛТАСАР (*сурово*). Перестань, Рюи. Что тут смешного?

РЮИ. Нет, Балтасар, ты только... О торговле – деве Марии... Нет, не могу!

КРИСТОБАЛ (*с добродушной усмешкой*). Ты, Рюи, не шути с ним: ведь он у нас – ревнитель веры. Три месяца уже, как он стал el santo.

РЮИ. El santo?

КРИСТОБАЛ. Ну да. Бедный мальчик! Чему же там вас учили в Нидерландах? Ты не понимаешь?

РЮИ. Нет, сеньор отец, прошу вас извинить меня, но право же...

КРИСТОБАЛ. Я помню – это было очень торжественно, после мессы, собор полон рыцарей и дам. Вас было десять: не так ли, Балтасар? И каждому из десяти сеньор де-Мунебрага, инквизитор севильский, вручил вот этот белый знак. (*Показывает на грудь Балтасара.*) Тишина в соборе такая, что слышно было, как шуршали шелковые складки фиолетовой одежды де-Мунебраги. И в тишине каждый из десяти поклялся перед алтарем – бороться с еретиками, поклялся забыть, согласно заветам Христа, об отце, о матери, о братьях, и кто бы ни были еретики – всех предавать в распоряжение Святейшей Инквизиции. Обет тяжелый, но Санта-Крусы всегда в первых рядах сражались против врагов церкви – против турок, мавров и против...

РЮИ. Прошу прощения, сеньор отец. Но с маврами – Санта-Крусы, насколько знаю, сражались мечом, а не доносами. Я ушам не верю: испанский рыцарь – пойдет с доносом в инквизицию! И об этом так, вслух...

БАЛТАСАР (*с шумом отодвигает кресло, берет за шапку*). Рюи, у тебя на щеке еще цел след от моей папиры, и если ты...

КРИСТОБАЛ (*хватает его за руку*). Тише, тише. Вспомни, Балтасар, что Рюи уже три года не был в Испании и потому...

БАЛТАСАР. Там три года или не три года... Но должен же он понять, что служба инквизиции – это служба церкви, и потому это честь для каждого из нас! (*Кулаком по столу.*) Неужели же не ясно, что убийство, ложь – все, что угодно, ради церкви – благородней, чем благороднейший из подвигов ради сатаны и его слуг – еретиков?

ТОЛСТЫЙ СЕНЬОР (*сидел рядом с Рюи – теперь предусмотрительно отошел в сторону вместе с женой*). Bravo, bravo, дон-Балтасар! (*Жене тихо.*) Как он неосторожен – этот Рюи. Что значит молодость!

БАЛТАСАР (*садится. Спокойнее*). Неужели же тебе не ясно, Рюи, что было бы жестоко предоставить еретикам идти их пагубным путем? Разве не милосерднее спасти их?

РЮИ. Насильно? Тюрьмой? Костром?

БАЛТАСАР (*опять вскакивает. Вызывающе*). Да! Да! А разве Бог не посылал казни на избранный народ? Разве не Бог приказал Моисею истребить смертью четыреста поклонников Ваала? Разве не ясно, что генеральный инквизитор – вовсе не Мунебрага, а сам Господь? И мы, воины инквизиции, в руках его – как благородный, беспощадный меч Тисон в руках Сиды Кампеадора...

ГОСТИ. Bravo! Bravo!

ФРА-СЕБАСТЬЯНО (*встает*). Сеньоры, кстати о Сиде: если разрешите, я прочту свою новую поэму, посвященную его преподобию, сеньору Мунебраге. Там как раз...

ГОСТИ. Просим! Просим!

БАЛТАСАР. Нет, позвольте. Я хочу, чтобы Рюи ответил мне прямо на вопрос: считает ли он, что католическая церковь...

За стеной на улице слышен топот бегущих и неясные крики погони. БАЛТАСАР сбивается.

...Что церковь...

ФРА-СЕБАСТЬЯНО (*стоит с листком в руках*). Сеньоры...
ТОЛСТЫЙ СЕНЬОР (*возле него теперь еще несколько Гостей*). Ого! Этот турнир между братьями становится серьезным!

Крики за стеной ближе. Слышно: «Держи! Где же она? Сюда!»

ГОСТИ. Что там? – Что случилось? – Слышите? (*Вскакивают.*)

КРИСТОБАЛ. Посмотри, Диэго.

ДИЭГО выходит на улицу. Крики затихают вдали. ДИЭГО возвращается.

Ну? Кто же это сейчас там был на улице?

ДИЭГО. Только один человек, сеньор.

КРИСТОБАЛ. Кто же?

ДИЭГО. Я, сеньор.

КРИСТОБАЛ. Ну, ты уж... (*Отчаянно машет рукой.*) Хорошо, иди.

ФРА-СЕБАСТЬЯНО. Итак, сеньоры...

ГОСТИ. Да, да, фра-Себастьяно! – Конечно! – Мы ждем!

ФРА-СЕБАСТЬЯНО (*читает*).

Гремите, трубы и литавры;
Хвалите Бога, стар и млад:
Покорны были Сиду мавры —
Покорен Мунебраге ад.
Как Сидов меч, Тисон могучий,
У Мунебраги – крест Христов:
Взмахнет – все выше, выше, круче —
Горой тела еретиков.
Как под Валенсией у Сиды,
Уж руки...

Тихий стук в дверь.

(Сердито оглядывается и продолжает громче).

Уж руки по локоть в крови:

Господь его благослови —

Де-Мунебрагу...

Снова слышен стук.

РЮИ. Простите, фра-Себастьяно. Но там стучат. Быть может, это, наконец, дон-Фернандо...

Идет к двери, открывает. Входит ДАМА. Прислонившись к стенке, смотрит на всех широко раскрытыми глазами, молча.

ДАМА (*к Рюи*). Закройте... Ради святой девы – скорей, скорей...

КРИСТОБАЛ. Как – вы? Одна? А что же дон-Фернандо? Но что с вами?

ДАМА (*тихо*). Дон-Фернандо взяли.

КРИСТОБАЛ. Дон-Фернандо? О, нет! Что вы, что вы!

ДАМА (*сперва тихо, потом громче, возбужденней*). Они окружили весь дом, они заняли все входы... Во всех комнатах, все книги, письма... Они схватили дон-Фернандо – у него свалилась шляпа, он наступил на шляпу... и его повели неизвестно куда... Нет, хуже: известно! Святая дева – они сказали: в этот проклятый замок инквизиции, в Триану, в тюрьму...

БАЛТАСАР (*еле сдерживаясь*). В Святой Дом. Это называется – Святой Дом, позвольте вам сказать, сеньора. Это Святой Дом, а не тюрьма. Благодарите Бога и мадонну, что есть люди, которые...

ДАМА (*не слушая*). Они рыщут по всему городу. Они оцепили целые улицы. Они повсюду. Гнались за мною. Я видела: ведут мужчин и женщин. В замке инквизиции все окна освещены. Они замучают, они сожгут его! Дон-Кристовал, скажите – дон-Кристовал, что мне делать, что, что?

КРИСТОБАЛ (*дрожащими руками наливает ей вина*). Вот, выпейте. Я думаю, все это ошибка. И завтра же... Нет, дон-Фернандо... Это смешно! Балтасар, ведь ты же знаешь его. Ты знаешь!

БАЛТАСАР (*угрюмо*). Да, знаю. И знаю, что однажды он дал приют еретику, которого разыскивал Святейший Трибунал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.